

Курсантский десант

Валерий Екимов

18+

Валерий Петрович Екимов

Курсантский десант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69775711

SelfPub; 2024

Аннотация

Это в сущности весьма небольшая повесть, сотканная из нескольких потерянных во времени записок в серии "Дорогие мои курсанты восьмидесятых", лишь об одном ярком событии из жизни первокурсников военно-морского училища, случившегося на первой в их жизни курсантской практике

Валерий Екимов

Курсантский десант

...Жаркое южное лето начала восьмидесятых.

Затерянная среди раскалённых, словно в настоящей африканской пустыне, невысоких горных хребтов, сопок, неизвестная бухта.

Время около пяти часов утра.

Плац учебного центра морской пехоты.

Объявлен «Большой сбор»!..

Весь личный состав Учебки, в том числе и мы, курсанты 1-го курса одного из военно-морского училища, накануне прибывшие сюда из милого умеренно-прохладного города на Неве для прохождения практики, в полной походной амуниции бойко выскакиваем на огромную, с футбольное поле, площадь – плац. Асфальт под ногами, не сумевший остыть за ночь от вчерашнего тропического пекла, плывет, излучая противный запах химии и духоты. Около десятка курсантских классов-взводов споро образуют контуры «коробок», выстроенные походным порядком по три колонны вдоль четырехэтажной матросской казармы, куда поместили нас вчера вечером по прибытию на последний этаж.

Бравый, почти двухметровый, молодцевато-подтянутый полковник Великанов, в прошлом настоящий боевой офи-

цер морской пехоты, а ныне руководитель нашей курсантской практики, придирчиво принимает доклады от командиров рот, то и дело, заставляя их повторить свой доклад, дабы добиться четкой фиксации строевой шага и... голоса.

– По плацу весь личный состав ходит либо строевым шагом, либо бегом, – то и дело взрывается над нашими головами его высокомерный командный «рык» на очередного докладывающего. – Курсанты перемещаются только строем в составе подразделения, – ревет он в сторону опоздавших, всё ещё выскакивающих из казармы.

Получалось так, что при выходе из казармы, хочешь того или не хочешь, но ты всё равно попадешь на плац, а значит – парадокс! – движение должно происходить только строем и только в составе группы.

Полковник счастлив – он в своей стихии!

Возглавляемая им кафедра морской пехоты единственная в морском училище, где служат строевые сухопутные офицеры, и потому на них традиционно возложена миссия обучения строевой подготовке весь личный состав подразделения. За это-то преподавателей кафедры и недолюбливают, но, одновременно, и боятся, обзывая за глаза по-морскому пренебрежительно – «Сапоги».

– Внимание!.. Ставлю боевую задачу, – эхом разносится в утренней тишине звонкий голос полковника.

Воцаряется «гробовая» тишина на всем пространстве вокруг плаца. В беспокойном молчании застывают даже

несвоевременно разбуженные бакланы на крыше казармы, перестав шибуршать, каркать и шевелиться.

– То-ва-ри-щи офицеры, мичмана и курсанты, объявляю время: «Че минус четыре»! Требую высадить десант, атаковав условного противника, занявшего сопку на юго-востоке бухты, и в течение четырёх часов создать на ней боевые позиции для обеспечения приема основных сил морской пехоты со стороны моря, – четко выговаривая каждое слово, слог, букву командует Великанов. – Вопросы есть?.. Нет!.. Напра-а-аво!!! Бего-о-ом а-арш.

Итак – штурм начался, курсантский десант двинулся на занятие позиций наверху ближайшей от нас сопки!

Время – «Че минус четыре», точнее уже «...минус три, полста пять»!

«Раз – два, раз – два...».

Сопка со стороны нашей Учебки, кажется, не такая уж и высокая.

«Раз – два, раз – два...».

Да и находится вроде б совсем недалеко – вон она, рукой подать.

«Раз – два, раз – два...».

Но чем ближе к ней, тем круче становится подъем.

«Раз – два, раз – два!.. Шагом... марш!..».

Светает.

«Раз – два, раз – два...».

На юге, в отличие от нас, солнце встаёт и садится под пря-

мым углом – сумерки короткие.

«Раз – два, раз – два...».

Пространство быстро раздвигается.

«Раз – два, раз – два...».

Вон уже появляются первые очертания голых чёрных камней, хаотично нависающих отвесными, высотой с десятиэтажный дом, стенами над мирно блестящей где-то внизу водой.

«Раз – два, раз – два...».

На проступающих бескрайних просторах просыпающегося моря угрюмо вырисовываются тени каменных исполинов. Загорающаяся от восходящего солнца морская гладь сливается где-то там, далеко, с нежной глазурью безоблачного неба.

Горизонта – словно нет!

«Раз – два, раз – два!.. Стой!..».

Сопка взята!

Время – «Че минус один»!

Получается, что мы на целый час раньше выполнили поставленную нам учебную задачу, остаётся лишь занять линию обороны вдоль неприступного побережья, да, по возможности, окопаться здесь как-нибудь до подхода... главных сил. Вообще-то место для тренировки идеальное. Брать сопку и с берега-то совсем даже непросто, а уж с моря, где почти отвесные стены, даже в полный сегодняшний штитель, почти невозможно, ну, как минимум нам... обыкновенным мор-

ским курсантам.

Что ж – теперь пора бы подумать и о... «земном»!

После трехчасового перехода ни я один уж целую вечность проклиная свою ленинградскую застенчивость, что не позволила в ночной суматохе уличить секундожку для посещения казарменного гальюна с пятью симпатичнейшими отверстиями на сотню человек в полуметровом подиуме над кафельным полом. Там всё идеально просто, функционально, сердито – никаких перегородок, дверок, замков! Вода постоянно циркулирует где-то там внутри – чистота и стерильность обеспечены, вот только всё до безобразия публично и бесцеремонно, а это, знаете ли, слегка осложняет выполнение «миссии».

– Разойдись! – голоса командиров тонут в проснувшемся бесконечно живом, оказывается, пространстве. – Привал – до особого распоряжения!

Курсанты приходят в суетливое разнонаправленное Бруновское движение. Походное снаряжение: вещмешки, противогазы, саперная лопатка, литровая фляга и многое другое – валяются на камни. Шаркая тяжелыми ботинками-гадами, все мгновенно расползаются в поисках... уединения.

Гардемарины – морские курсанты, то есть! – весьма чувствительные, тонкие и ранимые натуры, не лишённые здоровых амбиций и юмора. Душа их в большей массе своей, требует красоты и изящества во всем и, прежде всего, в личной гигиене. Но здесь, на верху пустынной сопки на многие-мно-

гие километры вокруг простирается голое каменное плато без каких-либо выступов и изгибов, лишь в сотне метров от привала торчит странного вида небольшой куст, выросший у чудом сочащего здесь сквозь камни странного, рыжего цвета, ручья.

Курсантские лица при виде его заметно свежеют и разглаживаются. Появляются шутки, анекдоты, смех. Кто-то интересуется завтраком, кто-то скидывает с себя темную робу, шерстяные береты, тяжеленные ботинки – «гады».

Жизнь, как всегда, прекрасна и беспечна.

Вот только безжалостное южное солнце уже стремительно набирает высоту, становясь вдруг совершенно невыносимым. Спрятаться, окопавшись, как предполагалось на марше, здесь, по понятным причинам, не удаётся. Забраться куда-нибудь в расщелину, либо за выступ горы от испепеляющих теперь всё и вся лучей – тоже. А тут ещё выясняется, что сухой паёк, прихваченный сюда с собой по случаю тревоги, действительно, оказывается сухой, а фляги из-за скоротечности выхода по тревоге почти никто наполнить не догадался – первый раз всегда всё непросто!

Впрочем, высота-то взята – приказ выполнен!

Но, что дальше?

Мало-помалу, до трусов, и не только – благо тогда, дам в казарму не пускали! – раздеваются все, уложив свои, из толстой темного цвета хлопчатобумажной ткани рабочие платья, «робы» в виде покрывал под себя и скинув опостылев-

шие «гады».

Ни ветерка.

Ни облачка.

Ни всплеска живительной морской воды.

Ни вскрика чайки.

Ничего нет!

Время, похоже, остановилось.

Где же основные силы морской пехоты?

Горизонт пуст.

Впрочем, возможно, в этом-то и была задумка учения – добиться инстинктивной подсознательной потребности курсантов всегда и везде быть готовым к немедленному маршу.

– Но что же делать теперь? – возникает потрясающе знакомый вопрос, вслед за которым неотступно вырисовывается и следующий. – Кто виноват?

Температура воздуха и камней стремительно растет, легко преодолевая отметку в сорок градусов. Как не крути, а ноги сами снова несут нас к «ржавому» источнику у необычного куста за водой – если не попить, то хотя бы облиться! – всё равно просто лежать под палящим исчадием становится невозможно.

Одежда мало-помалу без подсказки возвращается на обгорелые плечи, дымящие «гады» – на ноги, а темно-синие береты приплюсненными блинами ложатся на наши головы. Удивительно, но в грубой, темной одежде на раскалённой сопке оказывается много легче, чем без неё. Сразу почему-то

с завистью вспоминаются черные овечьи бурки и папахи горных жителей Кавказа из виденных прежде фильмов и прочитанных книг.

Команд на плановое отступление с высоты пока не поступает, связаться с базой не удастся: сотовых телефонов, согласно веяньям эпохи, у нас нет и в помине, раций по недоразумению – тоже, на флажный семафор в Учебке ответить некому.

В общем – что-то «не срослось».

Впрочем, посыльный с докладом о выполнении приказа, учитывая неблизкое, как оказалось, расстояние марша, убыл давно – нужно просто подождать.

Очередь к кусту с тыльной его стороны растет на глазах, теперь благодарному свидетелю нашей атаки и последующей обороны взятой высоты предстоит наряду с долгожданной влагой получить и изрядную порцию «свежеиспеченных удобрений». Закон круговорота воды, и не только её, в Природе ещё никто не отменял: с одной стороны куста мы набираем воду во фляги, с другой – возвращаем её в переработанном виде обратно.

Выражение наших довольно-беззаботных лиц быстро претерпевает метаморфозу – в глазах появляется страдальчески болезненная сосредоточенность: полученный, кажется, уже всеми солнечный удар вот-вот усилится ещё и тепловым, что намного хуже. К тому же, Бог вещь какая, палочка из «живой» воды куста быстро оживает в наших кишечниках. Все-

поглощающая революция в животах, целиком завладев сознанием курсантов, рвется наружу.

Командиры, сами изрядно помучившись при удержании высоты, принимают мудрое решение: не дожидаясь посыльного, начать спешное отступление, пока большинство ещё способно двигаться самостоятельно.

«Становись...».

«Равняйся... Смирно... Шагом, отставить, бегом... м-марш!...».

Удивительно.

«Раз – два, раз – два».

Утомленные колонны под палящим солнцем движутся вниз много быстрее, чем рано утром восходили вверх.

«Раз – два, раз – два».

У самого подножия сопки вместе с посыльным приходит и подтверждение правильности выбранного курса на базу.

«Раз – два, раз – два».

Раскаленный плац, лишь слегка продуваемый морским бризом со стороны незнакомой бухты, кажется теперь живительным холодильником. Ноги, хотя и с трудом отрываются от земли, идут на автопилоте довольно-таки споро в такт движения ротной «коробки» со среднemarшевой скоростью около 90 шагов в минуту.

«А-а-а, раз!.. Рота-а-а, смирн-а-а... Рав-не-ние налева-а-а...».

Несмотря на то, что строевой шаг на плацу получается по-

сле восхождения не очень-то, встречающий нас полковник, глядя на нас, молчит, провожая, кажется, даже сочувственным взглядом до казармы.

«Стой, раз – два».

«Разойдись».

Ввалившись в казарму, мы дружно падем на прохладный каменный пол перед галюном и в упоении, глядя его ладошками, ожидаем своей очереди восхождения на «трон». Никто уже никого не стесняется, лишь бы поскорее унять рвущуюся из живота бомбу, пусть даже и под десятком завистливых глаз окружающих.

– Внимание по казарме, через полчаса построение на обед, – весело кричит не участвовавший в марше дневальный.

Какой обед?

Теперь даже вода не лезет в глотку!

Да, похоже, самое время ползти в медсанчасть.

– Рыжий! Андрию-у-уха! Я... в санчасть, – кричу своему командиру отделения, кутаясь в теплый бушлат из-за охватившего вдруг озноба от растущей, по-видимому, температуры.

– Ну-у, давай, – огорчается, – я после обеда тоже... пойду. А где она тут, кстати?

– Да, нь-нь-не знаю, – стучат мои зубы, – с-спрошу кого-нибудь.

– Хорошо, и мне потом скажи, – дает напутствие Рыжий,

мой добрый товарищ, одноклассник.

Ползу по перилам вниз. Всё плывёт. Кружится. Концентрируясь, пытаюсь что-нибудь сообразить.

Куда ж идти-то?

У входа в казарму огромная «курилка», человек на сто... не меньше. Вот где на самом деле процветает полная демократия и плюрализм: ни какой тебе лжесубординации, никаких строевых приемчиков и докладов – офицеры, матросы, мичмана, курсанты сидят и стоят все вместе, все учтивы, доброжелательны, довольны. Народ отдыхает. Я, вообще-то, не курю, но в «курилке» бываю часто. Мне нравятся её нравы, разговоры, шутки. Люди там ведут себя совсем по-другому, как-то по-особому, домашнему, что ли, как когда на лавке в нашем дворе детства: свободно, раскованно, непринужденно.

Взглянув на меня, прапорщик-морпех, даже не прервав своего свежего анекдота и недослушав вопроса, ткнул пальцем в направлении одноэтажного небольшого домика за казармой. Похоже, я не первый ищущий... «светлый путь».

Небольшое помещение перед дверью кабинета доктора-терапевта абсолютно квадратное, нет – кубическое: по четыре метра во все стороны. Это необычно – словно в коробе! Высокий потолок далеко, рассчитан на рост двухметровых морпехов. Скамеек нет, людей много, встать и так некуда. Занимаю очередь и, прижавшись к стене в углу, медленно скатываюсь по гладкой поверхности вниз, приседая на кор-

точки. В голове – полный калейдоскоп из обрывков мыслей и слов: в глазах разноцветные звездочки, всё причудливо вертится, живот безостановочно режет и бурлит, в горле клочечет, тошнит. Сознание нестерпимо рвется наружу, прочь из брэнного измученного тела на волю, «в пампасы». Время теряет очертания и летит к дьяволу в «трам-тарары», постепенно сжимаясь во всепоглощающую точку подобно черной космической дыре, описанной, кажется, в моем учебнике астрономии или где-то ещё, не помню, неважно.

Память работает фрагментарно!

– Кто последний? – слышу потусторонний голос.

Молча, поднимаю руку, не поднимая головы, но меня, кажется, увидели.

Чуть позже кто-то в белом, возможно, медсестра толкает и сует градусник мне под левую руку.

– Та-а-ак! – вдруг эхом разносится над нашими головами.

В дверях появляется чья-то, кажется, огромная безразмерная фигура.

– Смирна-а-а, – глухо, словно эхо выстрела в горной долине «Каменный мешок» у озера Рица, звучит знакомая из прошлой жизни команда.

Кажется, встаю вместе со всеми в своём относительно удобном углу.

– Ах вы, бездельники! – врывает в сознание, срывающийся на фальцет «рык». – Освобождения от физической нагрузки захотели?

У меня что-то со звоном падает к ногам – трудно понять! – перед глазами всё плывет, качается, убаюкивая и успокаивая, становится тепло, уютно, безразлично.

– Что-о-о?.. Нога? – неумолимым тяжелым градом стучат по очумевшему сознанию чьи-то слова, словно удары кувалды по наковальне, вызывая жуткую, невыносимую боль где-то в районе затылка, мозжечка.

– Пять кругов бега вокруг стадиона! – не унимается голос. Медленно сползаю по стене на пол, нащупываю под ногами упавший градусник и...

– Что у вас, товарищ курсант? – материализуется где-то там под потолком прямо надо мной неизбежность, ураган.

Машинально поднимаю руку с градусником вверх, не открывая бесполезных глаз и не пытаюсь подняться, жду.

– Тут, почти сорок, – не слышу, чувствую легкое колебание воздуха над собой и понимаю, что ладонь пуста, градусника нет.

«Лечебный» бег по стадиону, похоже, отменяется и, похоже, не только в отношении меня, внеся некоторое смятение в душу нашего в принципе очень чуткого и... доброжелательного полковника, как выяснится спустя пару лет во время эпизода в Адмиральском коридоре главного корпуса нашего училища.

Железный фургон с красным крестом на борту не удивит, не обрадует, не обеспокоит, в нем, несмотря на раскаленное солнцем железо, станет даже несколько лучше: крупная, из-

нуряющая дрожь во рту, горле и плечах успокоится. Духота внутри не беспокоит и не волнует. Лица и голоса окружающих вязнут в густом пространстве и исчезают, вслед за временем, слившись в один ничего незначащий гул. Хотя, конечно, кто-то будет что-то говорить, просить и даже требовать, фургон не останавливаясь, спешно летит по центральным улицам сквозь большой портовый город, торопясь доставить нас куда-то на окраину... в военно-морской госпиталь.

Во время переезда вид у нас, видно, неважнецкий – медсестра часто оглядывается с переднего сидения на нас, беспокоится.

Ворота в длинном... и высоком, двухметровом, заборе появляются неожиданно.

Мы, словно тараканы, рассыпаемся по саду из открывшейся раскаленной банки в поисках... уединения для выпуска рвущихся на волю вулканов!.. После облегченно падаем на многочисленные скамейки, траву, асфальт, дорожки и по мере готовности, кажется, по очереди входим в приемный покой. Помещение в длинном одноэтажном деревянном здании барачного типа, большое, прохладное, очень светлое от проникающего сюда обильного солнца сквозь два огромных от пола до потолка окна. За столом двое.

Что-то говорят, слушаю, слушаем, отвечаем!

Измеряют, щупают, пишут.

Куда-то идем, раздеваемся, кидая пыльную форму в

огромные зеленые баки с надписью белой краской «Карантин».

Дверь. Еще дверь. Надпись: «дезинфекционная».

Большое, темное помещение покрыто кафелем. Внутри нет плафонов, труб, душевых кабинок, но посреди пола широкая решетка для слива воды. Вместо одной стены – закрытые распашные деревянные ворота, как в ангаре.

Стоим босиком на приятно холодном кафеле, балдеем... ждем.

Сознание снова отрывается, взлетая над нами, глаза закрываются – виден длинный пустой светлый коридор... туннель.

Нет, пожалуй, всё-таки не туннель – это кто-то напрасно выдумал! – а поле, и даже не совсем поле – оно случится несколько позже! – а что-то наподобие белой-белой бесцветно-прозрачной пустыни. И вот по этой гладкой бесконечной светящейся поверхности, словно репетирую, без веса, звука и... усилий скольжу во все стороны, которых там просто нет, одновременно.

В общем, в самую пору воскликнуть – вот и всё! – разве только вместо непроглядной темноты вокруг, слепящий свет – впрочем, крайности всегда тождественны.

А впереди – лишь неизвестность, но вместе с ней и неизбежный всепоглощающий покой – впрочем, это будет много позже! – светлый примеряющий всё и вся покой, как награда.

И за что это вдруг?..

А-а-а, неважно! – всё здесь, лишь «...суета сует и томление духа...».

И тут вдруг неожиданно открываются ворота.

В проёме стены, сотканной из свежего синего неба и долгожданной сочной зеленой травы – как там, в «вот и всё», в будущем! – сквозь лучи того самого рыжего неземного солнца материализуются два его неземных создания в белых одеяниях. В это момент на нас обрушиваются две тяжелые спасительные струи студеной воды, разбивающиеся о наши головы, пылающие тела на миллионы живительных капель, переливаясь здесь, в темноте, всеми цветами радуги. Похоже, Сам Всевышний ниспослал нам двух Своих небесных Херувимов с четырьмя сложенными вдоль тела прекрасными белыми крыльями, вызвав их из моей непроглядной пустыни, чтоб омыть наши измученные тела и души живительной святой водой. Мы торжествуем, ликуем, впитываем и это безумно-чудесное видение и его волшебные живительно-прохладные струи, совершенно не стесняясь и не пряча своего первоначального вида. Температура кипения наших обнаглевших грешных тел, устремившихся было к свободному полёту над Землей, тает на глазах, приходя к своей естественной норме.

Бла-го-дать!

Умиленно-довольные моськи курсантов блаженно взирают на своих спасителей-ангелов. Сознание быстро возвращается, принимая окружающую действительность за настоящий земной рай, который кто-то когда-то назвал прекрас-

ным словом Эдем, куда Всевышний и поселил, но, ни в коем случае, не изгнал, нас всех в конечном итоге. Зеленая сочная трава, фруктовые деревья, эвкалипты, платаны, грецкий орех, пальмы, виноград и прочие вьюны и кустарники открываются нашим посвежевшим лицам сквозь летящие градом капли живительной воды и света.

Кра-со-та!..

В какой-то момент, окончательно придя в себя, на фоне нашего Эдема прямо перед собой мы вдруг замечаем двух молодых лукаво улыбающихся санитарок в белых, длинных, развивающихся на ветру халатах-балахонах, поливающих нас двумя мощными сплюсненными их пальцами струями холодной воды, рвущейся из резиновых садовых шлангов. От такого исхода Истины мы застываем в немом удивлении на месте, костенеем, словно прирастая к каменному полу душевой.

– Выходим из дезинфекционной по одному, вытираемся, следуем в каптерку за кальсонами и пижамой, – нарочито громко кричит, видимо, старшая из них, указывая на стопку вафельных полотенец за своей спиной и незаметно подмигивая напарнице.

Курсанты по мере близости к выходу по одному пересекают линию ворот, попадая под перекрестный огонь режущих струй воды, по команде поворачиваются то влево, то вправо, стыдливо прикрываясь руками от озорных, жгучих, бесстыжих глаз молодежавых медсестёр. Затем бегут к спаситель-

ным полотенцам, которые, как назло, оказываются слишком короткими для того, чтоб окончательно спрятаться от этих бестий и вернуться в своё привычное спокойно-чинное надменно-ироничное курсантское состояние.

Утром, после кисломолочной диеты и приема изрядной дозы пилюль, госпитальный сад, несмотря на двухметровый забор с колючей проволокой сверху по периметру – все-таки карантин, не курорт! – видится нам настоящим живительным оазисом. Вчерашний конфуз забыт, как впрочем, и лица санитарок. Кто теперь разберет, которые из них? Куда не глянь, всюду торчат довольные физиономии курсантов, без конца и края, хохочущие и заигрывающие с многочисленным женским персоналом госпиталя.

Мы с удовольствием бродим в тени деревьев, без спроса и зазрения совести срывая запретные для наших неокрепших организмов незрелые абрикосы, персики, яблоки, инжир, зелёный виноград, молочные грецкие орехи и едим, едим, едим.

– Мальчики первое отделение, на посев, – кричит до безобразия симпатичная дежурная девчонка-сестричка, выглянув в сад из окна нашего длинного одноэтажного корпуса-казармы, расположившегося рядом с приемным баракком, куда подвозят и подвозят новые машины с нашим братом.

Мы же, лениво шаркая тапочками по песочным дорожкам сада и сверкая попеременно не застёгивающимися с обеих сторон естественными отверстиями в кальсонах, едва прикры-

тых безразмерными, явно не на наш рост, коричневыми пижамами, неспешно бредем в процедурную комнату для сдачи неизвестного пока ещё нам анализа.

Бесконечно широкий коридор отделения полон народа, выстроившегося в очередь. Отовсюду то и дело раздаются шутки, комментарии, взрывы хохота. В кабинете за белой ширмой доктор выборочно по понятному только ему списку осуществляет какой-то необычный супер новый осмотр-диагностику больных под кодовым названием «телевизор».

– Что это? – спрашивает огромный, как настоящий морской пехотинец курсант нашей роты Серега Сергеев, которого почему-то первым отправляют на эту странную, пока ещё незнакомую нам экзекуцию.

– Шагай-шагай, – лукаво улыбается медсестра, – там тебе всё расскажут.

– И по-ка-жут, – по инерции озадачено тянет тот.

– Откуда вы, молодой человек? – слышен вопрос доктора из-за ширмы.

– Да мы тут все... из Ленингра-а-а-да, – неистово басит на весь коридор, застигнутый врасплох, великан, а уже спустя минуту, браво марширует по коридору и, задевая своей огромной головой болтающиеся под потолком лампы-люстры, распевает, – ты уже не мальчик, юный барабанщик, юный барабанщик...

– Тук, тук, тук, – весело, вовсе не понимая, к чему это он клонит, подпеваем мы.

И всё же, всё же, нет, пожалуй, именно поэтому – «...я люблю тебя жизнь...»! – после диагностики мы снова весело несёмся по нашему чудесному Эдему за повидавшее виды строение столовой к натянутой колючей проволоке забора. Там нами уже найдена малюсенькая, едва заметная опытному взгляду, брешь, пробитая кем-то до нас, для скрытого нерегламентированного выхода больных на дикий гражданский пляж нежного мягкого бесконечно синего-синего моря.

А там, там, на этом дивном нескончаемом побережье нас уже поджидают воздушные волшебные неподражаемые создания: женщины, девушки, девчушки в цветных купальниках и белых панамках. Они лежат и ходят, купаются и прыгают, играют с мячом и смеются. А мы просто сидим и смотрим, смотрим и сидим на этом совершенно не препятствующем нашей воли заборе. Нам и, конечно же, им, хорошо и весело, приятно и трепетно видеть друг друга, смотреть и улыбаться, разговаривать, глядя в глаза.

И нет выше счастья и наслаждения, чем быть вместе, рядом!

...Эй, вы там, современные и креативные, вроде бы всё и вся себе позволившие и повидавшие, завидуйте, у вас нет и никогда, увы, уже не будет этого счастья: счастья встреч, знакомств, преодоления и побед. Все ваши желания давно поглотил бездушный гадкий гаджет и прочие химические заменители реальности, вам ничего-то на самом деле больше и не надо. Боже, как жаль их, вас...

А затем, освоившись и дождавшись, когда освоятся... и они, мы кричим им, машем руками, хлопаем в ладоши, зовём. И они, конечно же, останавливаются у забора. Одна, две, три – много, очень много... незнакомок! Они хохочут над нами, вместе с нами, нашим шуткам, что-то говорят в ответ, кивают, улыбаются, соглашаются, делятся с нами гостинцами и конечно зовут к себе, к морю, на волю. И, как по волшебству у нас, невесть откуда, появляется несколько все-размерных плавок, возможно, даже от женских купальников. И мы тут же по очереди в кустах одеваем их вместо своих нелепых дырявых кальсон и бежим купаться, знакомиться, играть в картошку, а иногда... даже целоваться, встав, стесняясь чуть поодаль от всех, в камышах. Но лишь на пляж входит патруль строгой городской комендатуры, мы резво несемся обратно, к забору ныряем в нашу потайную шхеру и опрометью несёмся обратно, в свои палаты.

А на следующий день девчонки снова придут к нам и снова принесут своим милым курсантам-гардемаринам гражданскую одежду, фрукты, соки, изредка пиво и даже замечательное местное домашнее вино.

Эх! – «...я люблю тебя жизнь... и надеюсь что это взаимно...»!

Ну, вот, собственно говоря, в этой байке-небылице всё!

И что б там ни говорили... те, другие, делящие наш общий мир на «своих» и «чужих», прикрываясь странным, красивым лозунгом о личных правах и свободах: так и только так

появляются на свет НАСТОЯЩИЕ мужчины, да и... женщины.

А иначе?

Иначе!..

Взгляни-ка сам... по сторонам.

А значит, дружище, давай-ка здесь, в этом самом месте, дружно и смачно возопим с тобой, спустя целую эпоху во всю нашу пока ещё живую и «луженую» глотку: «Военно-морскому флоту России, да что там, и, конечно же, Советского Союза, ВИВАТ...

...ВИВАТ!..

...ВИВАТ»!

Автор, как обычно, приносит извинения за возможные совпадения имен и ситуаций, дабы не желает обидеть кого-либо своим невинным желанием слегка приукрасить некогда запавшие в его памяти обычные, в сущности, житейские события. Всё, описанное здесь, безусловно, является вымышленным, потому как повесть является художественной и ни в коем случае не претендует на документальность, хотя основа сюжета и взята из дневников и воспоминаний друзей и товарищей периода 1980-1987гг.

Спасибо за внимание и... сопереживание.

2014-28.09.2023г.